

ОБ АВТОРЕ

Джей Кристофф, австралийский писатель, один из соавторов нашумевшего научно-фантастического романа «Иллюминэ», снискал мировую славу произведениями в жанре фэнтези и фантастики. Книги Кристоффа не раз становились бестселлерами «The New York Times», номинировались на литературные премии и возглавляли читательские рейтинги. Его романы издаются многотысячными тиражами почти в трех десятках стран. В большинстве этих стран он никогда не бывал — факт, бесконечно изумляющий автора. А вот и другие факты, которыми Кристофф с удовольствием делится со своими читателями: он утверждает, что ростом два метра; ему осталось жить приблизительно тринадцать с лишним тысяч дней; он коротает свой век в Мельбурне, с женой (по совместительству секретным агентом, мастером кунг-фу и ассасином) и самым ленивым в мире джек-расселом.

А еще он не верит в счастливые концы.

*Моим сестрам,
свету и тьме и всему прекрасному между ними*

Без света не увидишь тень,
Ночь всегда сменяет день,
Между черным и белым
Есть серый.

Древняя ашкахская мудрость

CAVEAT EMPTOR*

Люди часто обделяются, когда умирают.

Их мышцы ослабевают, души вырываются на свободу, ну а все остальное... просто выходит наружу. Несмотря на ярое пристрастие зрителей к смерти, драматурги редко об этом упоминают. Когда герой делает последний вдох в объятиях героини, никто не привлекает ваше внимание к пятну, расцветающему на его рейтузах, или к слезящимся от смрада глазам дамы, когда та наклоняется для прощального поцелуя.

О, мои дорогие друзья, я упоминаю об этом, чтобы предупредить — ваш рассказчик не обладает подобной сдержанностью. А если от суровых подробностей реального кровопролития вас выворачивает наизнанку, примите к сведению, что страницы в ваших руках повествуют о девушке, которая дирижирует убийством, как маэстро — оркестром. О девушке, которая разделалась с «долго и счастливо», как пила — с кожей.

Сама она уже мертва — слова, ради которых грешники и праведники отдали бы последнее, лишь бы их услышать. Республика пошла прахом. От ее руки рухнул на дно Город мостов и костей. Тем не менее, уверен, она все равно нашла

*В переводе с латыни «Качество на риск покупателя» (прим. пер.).

бы способ убить меня, если бы знала, что я вывел эти слова на бумаге. Вскрыла и оставила бы на съедение изголодавшейся Тьме. Но мне кажется, что кто-то должен хотя бы попытаться отделить ее образ от лжи, которую о ней сочиняют. Отделить через нее саму. Ею самой.

Кто-то, кто знал ее настоящую.

Некоторые называли ее Бледная Дочь. Или Царетворец. Или Ворона. Но в большинстве случаев не называли никак. Убийца убийцы, чей настоящий послужной список знаем только мы с богиней. Почитают или порочат ее имя в конечном итоге? После всех тех смертей? Признаться, я никогда не видел разницы. С другой стороны, я никогда не смотрел на жизнь так, как вы.

Всегда был не от мира сего.

Как и она, если уж говорить начистоту.

Наверное, за это я ее и любил.

Книга 1

КОГДА ВСЁ — КРОВЬ

ГЛАВА I

ПЕРВЫЕ РАЗЫ

Юноша был невероятно красивым.

Гладкая карамельная кожа; сладкая, как падевый мед, улыбка. Очаровательные непослушные черные кудри. Сильные руки и крепкие мышцы, а глаза — о, Дочери, его глаза... Глубиной в пять тысяч морских саженей. Даже утопая в них, было невозможно сдержать улыбку.

Его губы, теплые и мягкие, коснулись ее. Пара стояла в обнимку на Мосту Шепотов, горизонт заливался фиолетовым румянцем. Его руки гладили ее по спине, и кожу будто покалывало от разрядов тока. Легкое, как перышко, прикосновение языка вызвало у нее дрожь, сердце пустилось в галоп, тело заныло от желания.

Они отстранились друг от друга, как танцоры перед тем, как замолкнет музыка, но струны их тел продолжали вибрировать. Она открыла глаза в надежде встретить в тусклом свете его взгляд. Под ними рокотали воды канала, бесстрастным потоком ускользая в океан. Как она и хотела. Как она и должна. Надеюсь, что не утонет.

Ее последняя неночь в этом городе. В глубине души она не желала прощаться. Но, прежде чем уйти, она хотела узнать. Хоть этим девушка могла себя потешить.

— Ты уверена? — спросил юноша.
Она взглянула ему в глаза. И прошептала:
— Уверена.

Мужчина был невероятно противным. Пигментные пятна на коже, как при туберозном склерозе, щетинистый подбородок, затерявшийся в жировых складках. Блеск слюны на губах, поцелуй виски, расцветающий на щеках и носу, а глаза — о, Дочери, его глаза... Голубые, как опаленное солнцами небо. Мерцающие, как звезды в ясную истинотьму.

Он прильнул к кружке, допивая остатки под громкую музыку и смех окружающих. Еще с пару минут покачался посреди таверны, затем кинул монету на барную стойку из железного дерева и поплелся наружу. Его взгляд, помутневший от выпитого, блуждал по булыжной мостовой. Улицы наполнялись людьми, но он шел напролом, стремясь поскорее добраться до дома, чтобы уснуть без сновидений. Мужчина не поднимал головы. И не заметил силуэт, оседлавший на противоположной крыше каменную горгулью в мраморно-белом и гранитно-сером одеянии.

Девушка наблюдала, как он ковыляет по Мосту Братьев. Приподняла маску арлекина, чтобы затянуться сигариллой, и пряный дым за клубился в воздухе. Улыбка, обнажившая гнилые зубы, и грубые, как бечевка, руки мужчины вызвали у нее дрожь, сердце пустилось в галоп, тело заныло от желания.

Ее последняя неночь в этом городе. В глубине души она не желала прощаться. Но, прежде чем уйти, она хотела, чтобы он узнал. Хоть этим девушка могла его потешить.

Рядом на крыше сидела тень, принявшая форму кота. Плоская, как бумага, полупрозрачная и черная, как смерть. Его хвост слишком по-хозяйски обвился вокруг лодыжки девушки. По жилам города текли прохладные воды и впадали в океан. Как она и хотела. Как она и должна. Снова надеясь, что не утонет.

— ...Ты уверена?.. — спросила тень-кот.
Она смотрела, как ее цель плетется, мечтая о постели.
Медленно кивнула.
И прошептала:
— Уверена.

Маленькая, скудно обставленная комната, большее ей не по карману. Но девушка украсила розовыми свечами и водяными лилиями чистую белую простынь — уголки которой, словно в знак приглашения, были загнуты, — и юноша улыбнулся, глядя на всю эту сахарную, сладостную обстановку.

Подойдя к окну, она посмотрела на старый величественный город — Годсгрейв*. На белый мрамор, охристый кирпич и изящные шпили, целующие опаленное небо. Ребра на севере поднимались на сотни футов к румяному небесному своду; крошечные окна зияли в домах, высеченных из древней кости. Из впадины Хребта бежали каналы, их узоры обвивали городскую плоть, как паутины обезумевших пауков. Поперек людных тротуаров раскинулись длинные тени от тускнеющего света второго солнца — первое давно уже скрылось из виду, — оставляя третьего угрюмого красного брата стоять на страже и следить за всеми опасностями неночи.

Ах, если бы только сейчас была истинотьма.

Тогда бы он ее не видел.

Девушка не хотела, чтобы он наблюдал за ней во время процесса.

Юноша бесшумно подошел к ней сзади, обдав запахом пота и табака. Скользнул руками по талии и изгибам бедер, рисуя кончиками пальцев то ледяные, то пламенные дорожки. Ее дыхание участилось, и где-то глубоко она ощутила нарастающее покалывание. Ресницы затрепетали, как крылья бабочки, пока его руки ласкали живот, танцевали по

* В переводе с английского «могила богов» (прим. пер.).

ребрам, выше и выше, поднимаясь к набухшей груди. Он легонько дунул ей на макушку, и по коже побежали мурашки. Девушка выгнула спину, прижимаясь к его затвердевшей плоти, и запустила пальцы в конну взъерошенных волос. Она не могла дышать. Не могла говорить. Не хотела, чтобы это начиналось или кончалось.

Она повернулась, выдохнула, когда их губы соприкоснулись, и завопилась с запонками на мятых рукавах юноши, превращаясь в комок из пальцев, пота и дрожи. Обнажившись до пояса и стянув с него рубашку, она припала к юноше губами и начала опускаться на кровать. Теперь они только вдвоем. Плоть к плоти. Их стоны сливались.

Желание стало невыносимым, пропитывая ее насквозь. Руки с трепетом изучали его гладкую кожу на широкой груди, танцевали вдоль четкой V-образной линии, спускающейся к поясу брюк. Девушка скользнула пальцами вниз и коснулась источника пульсирующего жара — твердого, как сталь. Ужасающего. Умопомрачительного. Юноша застонал, дрожа как новорожденный жеребенок, пока она ласкала его, выдыхая ему в рот.

Она никогда так не боялась.

Ни разу за шестнадцать лет жизни.

— Трахни меня, — прошептала девушка.

Комната была роскошной, такая по карману только богачам. Но на комодѣ стояли пустые бутылки, а на тумбочке — цветы, увядшие от застоявшегося запаха страданий. Девушка нашла в этом утешение: мужчина, которого она ненавидела, был совершенно одинок, несмотря на всю свою обеспеченность. Она наблюдала через окно, как он вешает сюртук, накидывает потрепанную треуголку на пустой графин. И пыталась убедить себя, что может это сделать. Что она твердая и острая, как сталь.

Сидя на крыше напротив его окна, девушка опустила взгляд на Годсгрейв — на окровавленные булыжники мосто-

вой, тайные проулки и высокие соборы из сверкающей кости. Ребра пронзали небо над ее головой, извилистые каналы вытекали из кривого Хребта. Поперек людных тротуаров раскинулись длинные тени от тускнеющего света второго солнца — первое давно уже скрылось из виду, — оставляя третьего угрюмого красного брата стоять на страже и следить за всеми опасностями неночи.

Ах, если бы только сейчас была истинотьма.

Тогда бы он ее не видел.

Девушка не хотела, чтобы он наблюдал за ней во время процесса.

Взмахнув ловкими пальчиками, она притянула к себе тени. Сплетала и скручивала тонкие черные нити, пока те не упали каскадом с плеч, как плащ. Девушка исчезла из виду, стала почти прозрачной, словно она пятно на портрете городского горизонта. Она спрыгнула с крыши на стену его дома, зацепившись руками за подоконник, подтянулась и забралась на выступ. Быстро открыла окно и скользнула в комнату, бесшумная, как кот из теней, следующий по пятам. Когда она достала из-за пояса стилет, ее дыхание участилось, и где-то глубоко она ощутила нарастающее покалывание. Незаметно пригнувшись в углу, с трепещущими, как крылья бабочки, ресницами, она наблюдала, как мужчина дрожащими руками наливает себе воды в стакан.

Она дышала чересчур громко, все уроки смешались в голове. Но он был слишком пьян, чтобы заметить ее, потерявшись в воспоминаниях о хрусте тысяч вытянутых шей, топоте тысяч пар ног, выплясывающих под мелодию висельника. Ее костяшки побелели на рукоятке кинжала. Она не могла дышать. Не могла говорить. Не хотела, чтобы это начиналось или кончалось.

Вздохнув и сделав глоток, мужчина завозился с запонками на мятых рукавах, превращаясь в комок из пальцев, пота и дрожи. Стянув рубашку, заковылял по половицам и опустился на кровать. Теперь они только вдвоем, вдох к вдоху. Их выдохи сливались.